

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Каллиграфия

убийства

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47   Каллиграфия убийства / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-202171-8

В столице объявился маньяк, криминальный «почерк» которого отличается странной закономерностью — все убийства как две капли воды похожи на преступления, совершенные тремя знаменитыми маньяками в советское время. Нынешний убийца так же тщательно подбирает жертвы в разных районах, расправляется с ними, доставляет в определенное место и раскладывает в точности как когда-то лежали прежние трупы. И при этом не оставляет никаких следов. Полковники МВД Гуров и Крячко и приданные им в помощь студенты-психологи предполагают, что для незаметного перемещения трупов преступник может использовать сеть подземных ходов под Москвой. Оперативники спускаются в подземелье и обнаруживают там бункер, оборудованный ванной со следами свежей крови. Похоже, именно здесь новоиспеченный маньяк обрабатывал трупы... Сыщики решают устроить в бункере засаду, еще не догадываясь, что последует за их поспешным решением...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А. В., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202171-8

1.

Лев Иванович Гуров стоял в своем кабинете возле окна и смотрел на улицу. Настроение у него было под стать серому и унылому ноябрьскому дню — такое же хмурое и серое. В руках оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска по России держал кружку с растворенным в горячей воде «ТераФлю» с лимоном и время от времени, морщась, делал глоток.

— Надо было тебе оставаться дома, в постели, как советовала Мария, — подняв голову от компьютера, высказал мнение Станислав Крячко — коллега и друг Гурова. — А вдруг ты заразный и всех тут перезаразишь? Все уйдут на больничный и некому будет раскрывать преступления, — не то с укором, не то с надеждой добавил он.

— Кого тут заражать? — скептически посмотрел на него Лев Иванович. — В кабинете, кроме нас двоих, никого нет. А преступления, по крайней мере, те, что были у нас, мы с тобой уже все раскрыли. И вообще — «но, боже мой, какая скука с больным сидеть и день и ночь, не отходя ни шагу прочь», — процитировал он и добавил: — Никто почему-то

не подумал, что болеть — еще более скучное занятие, чем ухаживать за больным. Вот скажи мне, пожалуйста, тебе нравится болеть и лежать в постели?

— Нет, конечно, — хмыкнул Крячко. — Болеть нравится только школьникам и старушкам. Первым — потому что не нужно идти в школу, а вторым — потому что есть повод привлечь к себе внимание родственников и сходить в поликлинику, чтобы встретить там родственную душу.

На некоторое время в кабинете повисла тишина — оба его хозяина были заняты каждый своим делом. Станислав что-то выстукивал на клавиатуре, а Лев Иванович тоскливо смотрел на улицу. На улице шел снег, было сыро и промозгло. Машины ехали по дорогам, а пешеходы спешили куда-то по своим делам по тротуарам — все было как всегда, а поэтому было скучно. Лев Иванович предпочел бы сейчас заняться каким-нибудь делом. Даже нелюбимая бумажная работа была бы для него хоть каким-то видом деятельности. Но... Но простуда, а особенно сильный насморк, угнетали его и сводили все его желания на нет. Ему и вправду вдруг захотелось лечь в постель и уснуть, тем более что предыдущую ночь он практически не спал.

— Может, и вправду домой поехать, — задумчиво пробормотал он.

— Что ты там себе под нос бормочешь? — спросил Станислав и потянулся на стуле.

— Ноябрь, — философски заметил Лев Иванович, не отрывая взгляда от окна.

— Ага, а ты только что это заметил, да? — поддел его напарник.

Лев Иванович хотел что-то ответить и повернул к Крячко голову, но ничего сказать не успел, потому что в кабинет вошли трое. Гуров и Крячко удивленно и в то же время настороженно посмотрели на вошедших. Ничего хорошего, кроме как нового задания, этот визит им явно не сулил.

— Отлично, оба на месте, — обрадованно сообщил непонятно кому — себе, оперативникам или тем, с кем он пришел, — генерал Орлов.

Орлов Петр Николаевич хотя и был хорошим другом Гурова и Крячко, но прежде всего был их непосредственным начальником. Обычно он вызывал оперативников к себе в кабинет, а сам заглядывал к ним редко. И эти редкие визиты обычно заканчивались или сложным расследованием какого-нибудь преступления, или дальней командировкой. А зачастую и тем и другим. Поэтому и в этот раз Лев Иванович и Станислав насторожились. И не потому, что боялись сложной работы, а скорее, из-за того, что одним из спутников Орлова был хорошо знакомый им следователь из Главного следственного комитета — Арцыбашев Илья Иванович. Именно его присутствие как раз и наводило сыщиков

на мысль, что им предстоит необычное и довольно сложное дело.

Арцыбашев слыл у всех, кто с ним когда-либо сталкивался по работе, весьма мягким и интеллигентным человеком. Что в общем-то не мешало, а возможно, даже и помогало ему быть весьма дотошным следователем. Этот приземистый, полноватый человек с ранними залысинами и в очках с тонкой оправой чем-то напоминал сельского доктора — такого, каким его обычно описывали в произведениях конца девятнадцатого — начала двадцатого столетия. Голос он никогда не повышал, говорил ровно, спокойно, и собеседнику трудно было понять, какие у Ильи Ивановича эмоции. Он даже отчитывал кого-нибудь из своих помощников так, словно не ругал их вовсе, а наставлял, давал ценный совет, предлагал что-то исправить, но при этом не настаивал на выполнении своей просьбы.

Вторым, а вернее, второй спутницей Орлова была совсем молодая, лет двадцати четырех, девушка. Внешность у нее была, надо сказать, несколько экстравагантная. В иссиня-черных волосах пробивались голубые и зеленые прядки, в тонкой ноздре был виден пирсинг в виде колечка с камешком, джинсы, несмотря на прохладную ноябрьскую погоду, были по-модному порваны в разных местах, а свитер на ней был такого ярко-радужного цвета, что у Льва Николаевича зарябило в глазах. К груди девушка двумя руками, как некое

сокровище, прижимала весьма объемную и, по всей видимости, тяжелую папку.

— Думаю, что представлять вам Илью Ивановича нет нужды, — бодро заговорил Орлов. — А вот эту милую барышню, — Петр Николаевич отступил на шаг, открывая взору оперативников всю прелесть представляемой им девушки, — зовут Елена Витальевна Сухова. Она студентка последнего курса ИМПЭ имени Грибоедова на курсе психологии. А также проходит заочные курсы криминального специалиста-профайлера в Академии детекции лжи. Будущий, так сказать, психолог-профайлер, которая, вполне возможно, скоро будет работать у нас в управлении.

После этих слов начальника Гуров и Крячко невольно переглянулись. Эта девушка никак не напоминала им будущего специалиста по профайлингу. А уж тем более работающую в Главном управлении уголовного розыска. Но оба промолчали. Начальству виднее, кого оно будет принимать на работу. Словно прочитав их мысли, Орлов добродушно улыбнулся и сказал:

— Вы не смотрите на ее внешность. Нынче молодежь еще и не таким образом себя позиционирует. Главное в нашей работе не внешность, а цепкий ум, уверенность в успехе раскрытия преступления и внимательное отношение к мелочам. А все это, как я понял из слов Ильи Ивановича, Елене Витальевне не занимать. Если бы это было не так, то она бы

не была лучшей студенткой на своем потоке и тем более не стояла бы сейчас рядом с нами в этом кабинете.

В этот раз слова Орлова вызвали не только вопросительные взгляды оперативников, но и некоторое смущение на лице девушки. Хотя она и пыталась не показать, что слова Петра Николаевича задели ее (лицо оставалось непроницаемо-серьезным), опытный взгляд Гурова сразу отметил вспыхнувший на ее щеках румянец.

Орлов посмотрел на часы на своем запястье и проговорил:

— Так, давайте я вас скоренько введу в курс дела, а то мне нужно срочно быть в министерстве на совещании, а потом вы тут сами разбирайтесь дальше.

— Вы идите, Петр Николаевич, а я сам все ребятам объясню, — предложил Арцыбашев. — Тут «скоренько» не получится.

— Да? Ну тогда я побежал, а вы, Илья Иванович, сами тогда все и расскажете.

Орлов кивнул, хитро подмигнул Льву Ивановичу и быстрым шагом вышел из кабинета. Это подмигивание не очень-то понравилось Гурову, но он виду не подал и, гундося из-за насморка, предложил:

— Давайте тогда хотя бы сядем для начала.

Он два раза чихнул, успев при этом, правда, поднести к носу платок.

— Прошу прощения. Простыл вот, — извинился он.

— Давайте-ка я нам чайник поставлю, — предложил Крячко, покосившись на Льва Ивановича, и прошел к столику, где у них стоял чайник. — Есть чай и есть кофе. Кому что?

— Я ничего не буду, спасибо, — быстро ответил Арцыбашев, усаживаясь на ближайший к нему стул.

— А мне черный кофе без сахара, — приятным грудным голосом заказала девушка и тоже села, но поставив свой стул так, чтобы ей было видно одновременно и Арцыбашева, и Гурова, который так и остался стоять у окна.

— Пять секунд — и все будет готово, — бодро отозвался Крячко.

— Я пока расскажу суть дела, если позволите, — предложил интеллигентный следователь и откашлялся.

— Да, конечно, мы внимательно слушаем вас, Илья Иванович, — предложил Лев Иванович и присел на подоконник, поставив свою уже опустевшую кружку рядом с собой.

— Начну с того, что расскажу немного о нашей Елене Витальевне. — Он вполоборота повернулся к девушке и кивнул, словно бы спрашивая у нее разрешения на рассказ.

Та только опустила голову и стала молча рассматривать что-то у себя под ногами, делая вид, будто все, что будет происходить в этом кабинете, ее не касается. Гуров нахмурился. Он, наблюдая за девушкой, пока никак не мог определить ее характер. Един-

ственное, на что он обратил внимание, так это на ее глаза, а вернее, на взгляд, который показался ему весьма необычным. Девушка избегала смотреть в глаза, но даже когда Елена смотрела на кого-то прямо, казалось, что она смотрит не на человека, а сквозь него. Словно бы смотрит и не видит того, на кого обращен ее взгляд.

— Скажу прямо, как есть. Елена Витальевна по праву считается лучшей студенткой своего курса, да и всего университета в целом. Внешность, как и сказал Петр Николаевич, — это не главное. Может, именно по этой причине мы не очень строго требуем от нее... Как это сейчас говорят — придерживаться дресс-кода в нашем учреждении.

— Просто когда я так одета, я чувствую себя уверенней, — тихо добавила Елена.

— Что? Простите, я не расслышал? — снова повернулся к ней Арцыбашев. — Ах, ну да. Да. Просто Елена так чувствует себя уверенней, — громче озвучил он слова девушки. — Так вот, Елена Витальевна, — тут он сделал нажим на ее отчестве, — проходит у нас практику и собирает материалы для своей дипломной работы. Как называется работа? Впрочем, это неважно, — тут же добавил он. — Важно то исследование, которое провела Елена Витальевна и которое дало интересный и, я бы так сказал, ужасающий результат.

— Криминалистика и сама по себе весьма ужасная наука. Каждый день иметь дело с раз-

ного рода преступлениями... — высказался Станислав Крячко, подавая кружку с горячим кофе Елене. — Почему такой симпатичной девушке, как вы, вдруг захотелось иметь дело с преступниками? — спросил он у нее. — Профилированием могут заниматься и сами оперативники. Нас тоже в свое время обучали этому делу, что помогает нам с успехом до сих пор ловить преступников.

Девушка, прежде чем принять кружку из рук Станислава, огляделась вокруг, не зная, куда лучше ей положить папку. Так и не определившись с местом, положила ее к себе на колени.

— Я стала изучать криминалистику и профайлинговую психологию, потому что мне это интересно, — ответила Елена, не глядя на Крячко. — Одно дело — использовать свои знания, чтобы успешно вести бизнес, а совсем другое — выявлять всяких подлецов, убийц и аферистов, которые наносят вред и каждому человеку в отдельности, и всему нашему обществу в целом. Я...

Она вдруг резко замолчала, поджала губы и стала смотреть на кружку так, словно увидела ее у себя в руках в первый раз и удивилась, как она к ней попала.

— Неважно, почему я выбрала именно эту профессию, — сказала она наконец.

— Да, так вот, — после некоторого молчания продолжил говорить Илья Иванович. — По ходу своих изысканий Елена

Витальевна обнаружила, что у нас в Москве уже полтора года орудует... э-э-э... маньяк-убийца. Причем не просто убийца, а убийца-подражатель.

— Во как! — удивленно склонил голову Станислав и посмотрел на Льва Ивановича.

Гуров на такое сообщение следователя никак не отреагировал, но на его лице была написана явная заинтересованность.

— Интересно, как это в Московском УГРО было упущено такое явление, как маньяк-убийца, которое явно даже для студентки? — вопросительно посмотрел на Елену Станислав.

— Он не просто убийца, а убийца-подражатель, — заметил Арцыбашев. — Причем подражает он не какому-то одному убийце, а нескольким совершенно разным, но в свое время весьма знаменитым маньякам. К тому же все преступления он совершил не в одном районе, что, собственно, и стало причиной того, что никто не связал все три совершенно разные убийства в одно дело.

— А Елена Витальевна, значит, связала, — с некоторым скепсисом в голосе спросил Гуров и снова увидел, как щеки девушки вспыхнули.

— Знаете, я первоначально тоже засомневался, — ответил Арцыбашев. — Но аргументы, которые были приведены Еленой Витальевной в пользу своей версии, убедили меня, что она права. Собственно, по этой

причине мы и пришли сегодня к Петру Николаевичу. Хотели, чтобы этим делом занялись более опытные специалисты, чем...

Следователь замялся, не желая обижать остальных сотрудников Московского уголовного розыска напрасным недоверием. Ведь и среди тех, кто работал «на земле» в окружных управлениях, наверняка были и весьма опытные и знающие свою работу оперативники.

— В общем, Петр Николаевич посоветовал нам вас, Лев Иванович, и вас, Станислав Васильевич, — закончил свою фразу Арцыбашев, обращаясь к сыщикам и чуть кивая, чтобы придать своими словами уважение к тем, к кому он обращался.

В этом и был весь Илья Иванович — сама тактичность и вежливость.

— Ну, хорошо, — после небольшой заминки отозвался Лев Иванович. — Предположим, что все обстоит именно так, как вы, уважаемый Илья Иванович, нам говорите. Но хотелось бы выслушать и саму Елену Витальевну. Ее аргументы, факты, мысли по поводу...

Гуров посмотрел на девушку.

— Мне нужна доска, — спокойно и без тени смущения проговорила Елена.

Гуров и Крячко непонимающе переглянулись.

— Э-э-э, Елена Витальевна имела в виду магнитную доску, — поспешил объяснить Арцыбашев.

— Она у нас в комнате для оперативных совещаний, — заметил Крячко. — Но я могу ее прикатить. Она передвижная.

— Да, пожалуйста, если нетрудно, — снова вместо девушки ответил Арцыбашев.

Крячко вышел, и в кабинете повисла пауза. Студентка допивала свой кофе, Гуров смотрел на нее, пытаясь определить ее характер, а Илья Иванович смотрел на Гурова, немного нахмурившись и размышляя о чем-то своем.

— Елена Витальевна, вы москвичка? — чтобы хоть как-то нарушить тягостную для всех тишину, спросил Лев Иванович.

— Нет, я из Коломны. — Елена подняла голову и впервые за все время своего пребывания в кабинете прямо посмотрела на Гурова. Посмотрела быстро и внимательно, словно сканируя, но тут же опустила глаза и спросила: — Где можно помыть кружку?

— Помыть можно только в туалетной комнате, а поставить можно и на стол, — улыбнувшись одними уголками губ, ответил Лев Иванович. — Так что ставьте и не заморачивайтесь с «помыть». Всеу свое время. Вдруг вам снова захочется кофе.

— Да, спасибо, — тихо ответила девушка, глядя в сторону.

Вошел Крячко и прикатил доску.

— Куда ее лучше поставить? — спросил он, глядя на Елену.

— Я сама.

Девушка встала и едва не уронила с колен тяжелую папку, но вовремя ее подхватила и положила на край стола, который был ближе всего к ней — стол Гурова. Потом подошла к доске и откатила ее к окну, вопросительно при этом глянув на Льва Ивановича.

— Понял, ухожу, — улыбнулся Гуров.

Он встал с подоконника и прошел к тому месту, где раньше сидела студентка, взял стул и поставил его рядом со стулом Арцыбашева. Крячко, тихо хмыкнув, тоже взял стул и сел с другой стороны от следователя. Втроем мужчины воззрились на пока еще пустую доску и на девушку.

Ничуть не смущаясь их взглядов, Елена подошла к столу, раскрыла папку, немного полистала в ней бумаги и, найдя нужное, подошла с несколькими листками к доске и начала неторопливо развешивать их. На листках были отпечатаны копии фотографий с места преступления. Всего их было шесть. Три фотографии Елена разместила вверху, а три под ними. С первого взгляда казалось, что нижние фото в точности повторяют те, что висели над ними, но, присмотревшись, Лев Иванович понял, что верхние фотографии были сделаны с копий старых фото и были не такие четкие, как копии с нижних изображений, которые, по всей видимости, были сделаны с современных снимков.

— В верхнем ряду, — начала объяснять Елена, — вы видите снимки первых жертв

таких серийных убийц советского времени, как Ряховский Сергей Викторович, Кузнецов Олег Владимирович и Цюман Юрий Леонидович. В нижнем ряду — жертвы убийств, совершенных за последние полтора года, — студентка замолчала, давая время Гурову и Крячко внимательно рассмотреть все подробности на фотографиях.

— Елена, напомните, пожалуйста, нам, кто такие Ряховский, Цюман и Кузнецов, если вам не трудно, — попросил Арцыбашев и вопросительно посмотрел на Гурова. — Не против освежить память, Лев Иванович?

— Нет, не против. Было бы интересно вспомнить. Тем более что важно знать, почему именно их выбрал в свои учителя наш гипотетический маньяк.

— Он не выбирал их в учителя, — нахмурившись, категорично заявила Елена. — У него были совершенно другие планы в отношении выбора... Выбора тех, кому он подражал.

— Ну хорошо, — примирительно улыбнулся Лев Иванович, — вы нам потом и этот нюанс разъясните. А пока давайте вспомним о тех, кому он подражал. Что в них было особенного?

— Ряховский Сергей Викторович родился в тысяча девятьсот шестьдесят втором году в Балашихе. Первые преступления — нападения на женщин и попытки изнасилования — он совершил в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. В этом же году был осужден

на четыре года колонии общего режима. В тюрьме был, как это и принято для насильников, опущен, и когда вышел на свободу, то уже знал, что свои жертвы он оставлять в живых не будет...

Рассказывая о Ряховском, Елена вдруг преобразилась и из замкнутой и отстраненной сделалась открытой и пылкой. Она легко и гладко говорила и даже, как отметил про себя Лев Иванович, смелее смотрела на слушателей.

— Начните с первого убийства, — подсказал студентке Арцыбашев.

Елена кивнула и сразу же перешла к главному:

— Первое убийство было совершено Ряховским в июне восемьдесят восьмого года в небольшом лесу возле поселка Битц. Жертвой стал скрытый гомосексуалист Вилкин, с которым Ряховский познакомился накануне на одной из остановок в Измайлове. Если опустить все подробности, то нападение произошло внезапно, когда оба шли через лес по направлению к даче будущей жертвы. Ряховский ударил Вилкина четыре раза отверткой в спину, раздел и, придав ему непристойную позу, положил тело поверх поваленной молодой березки. Что отлично видно на фото выше.

Девушка показала на первую из трех верхних фотографий.

— Насколько я могу судить по нижней фотографии, положение жертвы современного маньяка весьма схоже с положением жертвы Ряховского, — заметил Станислав.

— Да. И именно это было первым, на что я, собственно, и обратила внимание. Но когда я прочла дело, то поняла, что не только поза жертвы весьма схожа, но и сама жертва практически повторяет личность убитого Ряховским Вилкина.

— То есть убитый был гомосексуалистом? — уточнил Лев Иванович.

— Да, — кивнула девушка. — И не просто гомосексуалистом, чем сегодня никого не удивишь, а именно скрытым. У него была вполне себе нормальная семья — жена и двое детей. И так же, как у Вилкина, вскоре должен был родиться внук... Или внучка, — добавила серьезно Елена. — Что весьма примечательно в подражательном убийстве — это то, что удары были нанесены практически в те же места, что и Вилкину. Отклонения буквально сантиметровые.

— Интересно. И что, никто не догадался сравнить это убийство со старым делом? — риторический вопрос Крячко повис в воздухе.

— Мало ли похожих убийств совершается, — почесал подбородок Арцыбашев. — Тем более что одно убийство — еще не повод думать, что орудует маньяк. А поэтому давайте послушаем Елену Витальевну дальше.